

«Русский народ – особенный народ в целом свете, русский народ отличается догадливостью, умом, силою. Я знаю это по опыту своего царствования. Бог дал русским особенное свойство».

Екатерина Великая

Императрица Екатерина Великая, желая усилить свое влияние на события в Европе, предпочитала оставаться в своей внешней политике сдержанной и осторожной, как и в первые годы своего правления. Не в пример ей, Фридрих Прусский, казалось бы – просвещенный монарх, но во внешних делах отличается беспрецедентной агрессивностью. Желая расширить размеры своего маленького государства, дабы достичь своей цели, он, кроме частых вероломных вторжений со своим войском в чужие пределы, не гнушался никаких средств, включая и раздел Речи Посполитой, где он выступил инициатором оного. Екатерина также не терзалась угрызениями совести за участие в ее разделе, понеже мораль в отношении соседственных государств попросту отсутствовала. И есть ли бы, она, к примеру, отказалась участвовать в разделе, Фридрих бы нашел кого другого, и все равно сей раздел имел бы место. К слову сказать, та же мораль была и у противников России – поляков из магнатских и шляхетских кругов, коими двигало, надобно полагать, не едино их патриотизм, борющийся за национальную независимость. По крайней мере, участников Барской конфедерации не можно считать невинными жертвами расправы над Польшей. Еще до раздела, оные конфедераты сумели заключить договор с Османской империей, пообещав ей Киев, который отнюдь не принадлежал им. Себе же, в случае победы Османов, они желали заполучить русские города – Смоленск, Стародуб и Чернигов. Словом, себя они, вестимо, не желали обидеть. Екатерину заботила токмо собственная страна. Она прекрасно ведала, что торговля через Балтику не удовлетворяла хозяйственных нужд империи. Разновидность

вывозимых товаров был не велик: лес, руда, чугун, пенька, холст. Земли северных губерний давали скудный урожай, едва-едва удовлетворявший внутренние потребности. Посему, надобно было везти рожь и пшеницу с центральной и южной части России за сотни верст к замерзающему на зиму Балтийскому морю.

На заседании Вольного экономического общества, руководимого князем Григорием Орловым, был зачитан доклад, в котором утверждалось, что губернии к югу от Смоленска, Костромы, Воронежа и соседственных городов, весьма заинтересованы в сбыте своей продукции через Черное море. Сухопутные перевозки обходились купцам в пятьдесят раз дороже морских. А путь к морю преграждало извечно враждебное Крымское ханство. Екатерина понимала, что с сим врагом надобно было бы предпринять нечто радикальное, окончательное и бесповоротное. Таковое, что навеки бы уничтожило угрозу со стороны татар, кою Россия терпела веками, отдавая, как дань, тысячи православных, плененных татарами. Екатерина не уставала ломать голову, как усмирить набеги неукротимых крымских татар.

Союзник России, прусский король Фридрих, занимал двусмысленную позицию. Помогать Екатерине без выгоды для себя, он, понятно, не желал. Ей известно, что своему брату он доверительно поведал, что, к его монаршему сожалению, «Россия — страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа». Но он не против был способствовать ее усилению, понеже быв с нею в союзе, он всегда мог рассчитывать на какие-то дивиденды для своей Пруссии. Участвовать же в войне с османами или татарами на стороне России он не собирался, презрительно изражаясь:

«Я заключил союз с Россией... не для того, чтобы под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло, ни холодно».

Сердце «старого Лиса» обливалось кровью при выдаче из своей казны ежегодных договорных сумм для воюющей с Турцией России.

Размышляя о событиях последних лет, Екатерина усмехнулась: однако «хитрый Лис» и на сей раз не прогадал: выдвинув варианты о разделе Речи Посполитой, он отхватил себе кусок, что называется, пожирней. Да и Австрия не обидела себя. Одни британцы, заинтересованные в торговле с Россией и ненавидящие Францию, не чинили препятствий, пропустив в нужное время русский флот из Балтики в Средиземное море. Что ж, каков привет, таков ответ: война с Портой завершается и ни турецкому султану, ни прусским Гогенцоллернам, ни австрийским Габсбургам, ни тем паче французским Бурбонам, она спуска более не даст, допрежь не доведет своих намерений до достойного конца.

Екатерина была довольна результатами дипломатической работы, которую проводил под ее руководством Никита Панин, награжденный пять лет назад графством, хотя, как и многие иностранные дипломаты, почитала его весьма ленивым. Сам Панин говорил близким друзьям, что его нервы чрезвычайно ослабели и, что он уже не в состоянии много заниматься делами. Может статься, он готовит ее к своему удалению от службы? Как бы оное порадовало Чернышевых и Орловых! И сама бы она токмо порадовалась!

Все же, надобно отдать ему должное: Панин благороден и бескорыстен. Об том свидетельствует его поступок, изумивший всех окружающих. Отставив Панина от наследника, она щедро его наградила. Он же положил отдать почти половину в подарок трем своим преданным ему главным подчиненным чиновникам, не имеющим собственного состояния — Бакунину, Убри и Фон Визину.

Однако, война с Портой не кончалась, что весьма выводило Екатерину из равновесия. В связи с этим, ей приходится существенно укротить свои помыслы об освобождении христиан на Балканах, понеже в условиях войны с турками, при постоянном противодействии Австрии, всему тому, что требовала для себя победная Россия, трудно было думать о чем-то еще, тем паче, что по Уралу и Поволжью гуляла с восставшим крестьянством опас-

ный самозванец, донской казак Пугачев, всклепавший на себя имя ее покойного мужа, Петра Федоровича. Ей надлежало пока отложить неотступное свое желание отвоевать у Османской империи Дунайские княжества, дабы предоставить им независимость.

Екатерина была благодарна своему послу, Алексею Михайловичу Обрескову, недавно освобожденному султаном из турецкой темницы. Он подсказал ей форму отношений с балканскими христианскими народами такую же, что имеет и турецкий султан, который считается духовным владыкой всех мусульман, независимо от их государственной принадлежности. Обресков посоветовал ей занять подобный статус владычицы по отношению к православным, живущим во всем мире, и потребовать, подобно султану, признать на них ее духовные права. Екатерина хвалила себя, что она сразу же подхватила и использовала здравую мысль своего опытного дипломата. Посему одна из важнейших статей будущего мирного договора должна была содержать идею религиозного покровительства христианским подданным султана со стороны русской государыни.

Алексею Обрескову было поручено заняться длительной и, требовавшей немало терпения, процедурой мирного урегулирования между двумя странами, и выдвинуть идею покровительства христианам Россией. Совсем недавно императрица получила от своего дипломата известие, что сей пункт оказался приемлемым для османов, разрешавших посланникам императрицы делать в пользу православной церкви разные представления, и содержала обещание султана «принимать оные в уважение яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно-дружественной державы». В отношении Молдавии и Валахии, Высокая Порта соглашалась с уважением относиться к российским ходатайствам в пользу княжеств. Еще бы! Как им было не согласиться, зная, какую силу в себе содержит Российская империя.

Новый 1774-ый год, Екатерина решила ознаменовать для себя возобновлением забытой на несколько лет привычки записывать в тетрадь свои мысли и основные события, которые будут иметь место в ее жизни. Она разложила перед собой свои бумаги с записями, и, по своему обыкновению, принялась размышлять, касательно итогов своего правления за минувший год, не забывая подвести итоги и приватной жизни. По всем своим оценкам у нее складывалось вполне благополучное мнение о своем пребывании на троне. Самое главное: за годы царствования и управления российским государством, благодаря военным победам, особенно последним, она многократно упрочила свое положение, как монархини. Императрица Екатерина, как она о себе понимала, царила везде и всюду. Она чувствовала, что имя ее было на слуху ежеминутно, народ ощущал ее присутствие всегда и во всем. О ней говорили при дворе, в армии и флоте. Не давали забыть о ней упоминания ее имени в ектеньях во всех церквях.

Все сословия, включая мещан и крестьян, боготворили ее. И было за что: как полагала не только она, под ее мудрым руководством, страна и народ медленно, но упорно шли к своему процветанию. Новые, руководимые ею, постановления правительства способствовали оживлению свободного предпринимательства, по ее указу было разрешено всем желающим без ограничений заводить ткацкие станки, заниматься ремеслом, который был по душе верноподданному. Действовал ее указ «О не запрещении промыслов и рукоделий, которыми городские жители сыскивают пропитание». Капитал становился главным показателем купеческой состоятельности. Оные меры способствовали притоку новых активных и деятельных людей в промышленность и торговле, росту числа вновь созданных небольших предприятий. Увеличивалось число владельцев, принадлежащих к третьей гильдии и, соответственно, уменьшилось число купцов второй гильдии.

Члены первой гильдии резко оторвались по богатству от второй и тем более третьей гильдий. Согласно «Жалованной грамоте

городам» гильдейское купечество было освобождено от уплаты подушной подати, оно было также освобождено от рекрутской повинности и от телесных наказаний. Богатые и уважаемые купцы получили широкий доступ к городскому самоуправлению.

Польский вопрос пока более не беспокоил государыню. Теперь там уже почти два года, по совету прусского короля Фридриха, распорядился барон Отто Штакельберг, отправленный туда ею в качестве российского вполнителя и полномочного министра. Он же, вместе с прусским уполномоченным Бенуа, выполнил важную миссию, представив Варшавскому правительству декларацию трёх дворов — Русского, Прусского и Австрийского, поделивших между собой земли Речи Посполитой. Оба дипломата, таким образом, навлекли на себя ненависть шляхты.

Шестилетняя русско-турецкая война, долженствовавшая обеспечить России судоходство по Черному морю и, самое главное, занять подобающее место среди Европейских стран, можно сказать, близилась к завершению, что необычайно радовало Екатерину. Едино — надобно токмо дожидаться подписания с турками мирного договора.

Сей зачинающийся год был особливый для нее годом не токмо из-за войны с турками и супостатом Емелькой Пугачевым. Он знаменателен для нее тем, что она прожила в России тридцать лет! Из них, вот уже более одиннадцати лет она правит российским государством. Исправно правит, раз политики изволят почитать ее обладательницей самой разумной головы в Европе. Однако, втайне, сама она так не считает: где-то она имеет упущения, коли по земле русской гуляет смутьян Емелька Пугачев и все еще не схвачен.

Записки императрицы:

Никита Панин уволен с должности воспитателя Павла Петровича, как достигшего совершеннолетия и более не нуждающегося в его опеке. Никите Ивановичу пожаловано звание, приравненное к фельдмаршальскому, жалованье со столовыми деньгами, восемь тысяч с половиной душ крепостных, сто тысяч

рублев на меблировку дома. Теперь он будет упражняться токмо делами Иностранной Коллегии.

* * *

Мысли о том, что результаты ее управления бескрайней страны могли быть уничтожены каким-то Пугачевым, самозванным вождем бунтовщиков, под именем ее покойного мужа Петра Третьего, пугали Екатерину. Стало быть, не суждено будет свершиться ее искреннему устремлению к улучшению жизни в России, и непоколебимой вере в воспитании здесь нового человека. Понимание сего удручало ее. Ужели она не права, что мягкое управление и справедливые законы должныствовали в будущем уничтожить злодеяния, которые теперь учиняет чернь? Бунтовщики, теряя человеческое лицо, отрубая головы, руки и ноги у своих невинных жертв, насилуют женщин, не щадят ни малых, ни старых, ни даже священников и монахов. Тысячи людей оставленные без куска хлеба, обречены ими на голодную смерть. Как темно, оказывается, человеческое нутро! Как страшен их бунт! Крестьяне вовсе не покорная паства, а подлинно легковозбудимая масса, ненавидящая своих хозяев, готовая в любое время подняться и в ярости уничтожить их. Хотя мало кто из них не понимает, что их бессмысленный и беспощадный бунт будет иметь единый конец.

По всему видно, что события развиваются стремительно, время упущено, и срочно надобно трезво оценить обстановку. С октября прошлого года императрица Екатерина взяла на себя верховное руководство подавлением Пугачевского восстания, действуя через аппарат Военной Коллегии и ее президента - Захара Григорьевича Чернышева, а также путем рескриптов и переписки с командующими войсками, воюющих против Пугачева. Она внимательно изучала донесения своих губернаторов, карты движения бунтовщиков, выслушивала доклады своих генералов и главу Военной Коллегии, коей мнил, что Оренбургская крепость по людским и съестным запасам, также, как и оснащением оружия, могла выдержать зимнюю осаду. Что ж, сие, в ка-

ковой-то мере, утешало ее. Она издала манифест, по которому Пугачев был объявлен вне закона, и велела священникам читать оный в своих приходах. Однако, как доложили ей, призывы Пугачева просочились и в Москву. Там начались беспорядки, и мог бы случиться бунт, кабы не активные действия генерал-губернатора Волконского, коий выезжал, дабы успокоить их, чуть ли не в каждый уголок города. Чернь мечтала о свободе, и ее мог им дать, по их чаянью, новый добрый царь. Агенты Екатерины доносили, что многие дворяне тайно, но довольно слышно роптали, желая избавиться от чужестранной царицы, дабы на престол встал настоящий русский император, что восстановит старые порядки и обычаи.

Екатерина, сохраняя самообладание, велела пресекать всякие крамольные разговоры, виновных в распространение сплетен и слухов — хватать и вынуждать клясться верности императрице.

Во дворце же, где она учиняла законы и указы, проводила дипломатические приемы и проживала свою частную жизнь, почти во все годы ее правления существовали и противоборствовали две партии, возглавляемые Никитой Ивановичем Паниным и братьями Орловыми. Однако, не ведая сего, они делали ей важную услугу, понеже их противостояние было на руку Екатерине: оно помогало ей не терять нить всех происходящих событий при дворе, внутри страны и позволяло, благодаря своей прозорливости и интуиции, поддерживать равновесие в своем близком и дальнем окружении.

Совсем недавно ее возмутило весьма неординарное событие: ее сын и наследник, Великий князь Павел, без каких бы то ни было намеков с ее стороны, отважился подать ей пространную записку с размышлениями о политическом положении России. В ней Его Высочество, в свои двадцать лет, тщился доказать несостоятельность всей внешней политики России. По его мнению, война с Турцией имеет быть пагубной для империи, близкие же отношения с Пруссией, напротив, — в интересах России. Чуть ли не в каждой строчке оной записки Екатерина примечала помыслы Никиты Панина и его близких сподвижников — секретарей

Фон Визина и Бакунина, как раз тех, кои знали о заговоре Малого двора против нее, но донес о том лишь едино Бакунин. Императрица не позволила предать огласке оный факт, простила своему сыну и невестке, понеже другого лучшего выхода из той ситуации и не было. Сама же подача записки Великого князя говорила об уверенности окружающих его людей в своих позициях. Ах, как хотелось Екатерине доказать им противное от их уверенности! И она, вестимо, докажет, дайте токмо совсем немного времени!

***

Никите Ивановичу Панину, уволенному с должности наставника Великого князя и, посему, съехавшего с дворцовых апартаментов, Екатерина велела вести токмо чужестранные дела, что он и делал, как всегда медленно, но вполне успешно. Опальный брат его, генерал-аншеф Петр Иванович Панин, проживавший в Москве, фрондировал после отставки, высказывая в открытую свое недовольство государыней, вызывая тем самым ее неудовольствие и невольное презрение к его потугам вернуть себе должность в армии. Сей человек не знал, что «лишнее пожелаешь, последнее потеряешь». Так или иначе — Панины теперь ее мало волновали. Теперь она обратила все свое внимание на ослаблении влияния в придворных кругах братьев Орловых.

Сии прежние ее ангелы-хранители обладали значительной властью, особливо, князь Григорий Григорьевич. Он командовал артиллерией и ее личной стражей, Кавалергардским корпусом. Из четырех гвардейских полков, расквартированных в Петербурге, ему подчинялась Конная гвардия, Алексею Орлову-Чесменскому — Преображенский полк, Федору Орлову — Семеновский полк. Не было Орловых токмо в Измайловском полку. Григорий Орлов, исполняя свои обязанности, соответствующие его должностям, все еще враждался около нее, тем паче, что именно с ним ей, как женщине, было труднее всего расстаться, хотя его место теперь занимал совершенно пресный и, как оказалось, малообразованный князь Александр Семенович Васильчиков. Как она ни старалась привыкнуть к нему, ничего не получалось.